

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**КНИГИ РОБЕРТА ХАЙНЛАЙНА
В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ»**

Туннель в небе. Есть скафандр — готов путешествовать

•

Фрайди. Бездна

•

Астронавт Джонс. Время для звезд

•

Кукловоды. Дверь в Лето

•

Луна — суровая госпожа

•

Красная планета. Звездный зверь

•

Марсианка Подкейн. Гражданин Галактики

**РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН**

**Марсианка Подкейн
Гражданин Галактики**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
X 15

Robert A. Heinlein
PODKAYNE OF MARS
Copyright © 1962, 1963 by Robert A. Heinlein, 1990 by Virginia
Heinlein, copyright assigned 2003 to The Robert A.
& Virginia Heinlein Prize Trust
CITIZEN OF THE GALAXY
Copyright © 1957 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского Сергея Барсова, Андрея Шарова

Серийное оформление Сергея Шикина

Оформление обложки Владимира Гусакова

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold)
за активную помощь при подготовке книги.

ISBN 978-5-389-14386-9

© С. Барсов, перевод, 2018
© А. Шаров (наследники), перевод, 2018
© С. В. Голд, предисловие, послесловие, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Конец эпохи деколонизации

Сепаратистские настроения на колонизованных планетах, вызванные недальновидной политикой земной администрации, вылились в 70-х годах в вооруженные восстания и парад суверенитетов — Луна, Венера и Марс освободились от земного влияния и пошли в будущее собственным путем. Это на долгие годы прервало регулярные космические сообщения и затормозило освоение Солнечной системы.

Прошли годы, и центробежные силы стали затухать. В колониях выросло новое поколение, не участвовавшее в боевых действиях и не сталкивавшееся с земной политикой. В его глазах колыбель человечества уже не была империей зла — Земля стала еще одной чужой планетой, любопытной, экзотической, но не несущей угрозы. С годами изменились и взгляды старшего поколения, насущные экономические, технологические и демографические потребности постепенно разъедали изоляционизм, вынуждая колонистов делать то одну, то другую уступку. Ну а непрерывный приток добровольных эмигрантов незаметно разбавлял население колоний выходцами с Земли, у которых не было особых причин ненавидеть материнскую планету, — вместе с ними колонии импортировали не только рабочие руки и свежий генетический материал, но и бесчисленные родственные и дружеские связи. Для этих людей Земля долгие годы оставалась родиной и покинутым домом, а не оппонентом в малопонятном политическом противостоянии.

Однако симпатии (или даже нейтральное отношение к материнской планете) никак не устраивали политических лидеров колоний, они зафиксировали отношения с бывшей метрополией трехсторонним договором, позволяющим Венере и Марсу противостоять земной гегемонии и по возможности заморозить экономическое и политическое проникновение Земли на минимально допустимом уровне.

Впрочем, в начале следующего столетия этот барьер начал противоречить не только внутренним потребностям колоний, но и потребности человечества в целом. Зона Фронта смещалась все дальше в космическое пространство, и три планеты вот-вот должны были превратиться из окраин человеческой цивилизации в ее глубинку. Суверенитеты объективно мешали экспансии — перед прыжком к звездам цивилизация должна была сгруппироваться и объединить ресурсы всей Системы.

Марс изначально был и оставался слабейшим звеном среди бывших колоний. В отличие от Венеры, экономическую независимость которой обеспечивали урановые голконды и эльдорадо, и Луны, ставшей безальтернативным космическим перевалочным пунктом и одновременно поставщиком продовольствия, Марс не мог похвастаться ни природными, ни геологическими богатствами. Предыдущая марсианская цивилизация полностью истощила ресурсы планеты, а терраформирование поглотило скудный бюджет Марсополиса на десятилетия вперед. Почти столетие земная колония, по сути, паразитировала на обломках древней цивилизации, пыталась конвертировать марсианские технологии в человеческое производство и превратить древние руины в туристические аттракционы. Среди планет Солнечной системы Марс был обречен занимать положение бедного родственника. Изменить ситуацию могли только радикальные перемены — более тесная конфедерация с бывшими колониями, превращавшая их в полноценный экономический и политический союз, или выход из рамок договора и коалиция с Землей.

Попытки обсуждения второго пути в марсианских политических кругах немедленно встречали в штыки бывшие

революционеры. Они все еще помнили времена земного правления и понимали, что этот путь аннулирует результаты Революции. Первый вариант, создание из бывших колоний зародыша нового государственного образования, тоже мало кого устраивал. Он означал ослабление суверенитета, снижение таможенных барьеров и приход на рынок иностранных конкурентов. Для людей, некогда поднявших знамя сепаратизма, эти перемены также были чересчур радикальными. В определенном смысле марсианский парламент сплошь населяли «ястребы» — при полном отсутствии «голубей», и разница между ними была только в том, когда и кого клевать.

Бывшие революционеры, в свое время утвердившие следом за Декларацией независимости Дуэльный кодекс как одну из базовых норм социальной жизни, постепенно сформировали в парламенте непримиримые фракции, и в начале XXII века вопрос стоял только в том, когда и где прольется первая кровь.

До объединения планет Солнечной системы под властью императора и начала формирования Терранской Гегемонии оставалось немногим более ста лет.

В конечном итоге бывшие колонии были вынуждены поступиться частью суверенитета ради объединенного рывка к звездам. Потомки марсианских колонистов отправились осваивать новые миры, унося с собой память о завоеванной свободе. Но демографическое давление вышвырнуло в космос куда больше людей совсем иного сорта — они происходили из древних депрессивных регионов и несли с собой дремучие суеверия, вековые предрассудки и, главное, — умение подчиняться обстоятельствам. Центробежные силы вновь приходили в движение и порождали новых сепаратистов. В изолированных космических анклавах они изобретали или воспроизводили самые причудливые социальные конструкции. Затем история человечества начинала следующий поворот, и десятилетия изоляции сменялись периодами активных контактов. На просторах космоса сталкивались культуры, идеологии и экономические системы — и тогда за дело брались генералы, политики и герои. Люди,

вознесенные ходом истории или растертые ею в порошок. Жернова истории вращаются неумолимо, и самое ужасное то, что в них попадают не только генералы, политики или герои, но и обыкновенные дети. И ничего с этим поделать нельзя, потому что перед лицом истории все равны — взрослые и дети, колонны и колонисты¹.

С. В. Голд

¹ «Хайнлайн в картинках».

Марсианка Подкейн

Ее жизнь и время

Гейл и Астрид

ГЛАВА 1

Всю жизнь я мечтала слетать на Землю. Не жить там, конечно, а просто посмотреть. Всем известно: Терра — чудесное место для всяких-разных экскурсий, но не для того, чтобы там жить. Для людей она не очень-то подходит.

Лично я не верю, будто человечество произошло с Земли. Ну, то есть можно ли полагаться на доказательства в виде пары фунтов древних костей и мнения кучки антропологов, которые между собой-то не могут договориться, если вся эта чушь элементарно противоречит здравому смыслу?

Сами посудите: сила тяжести на Терре явно велика для человека и, как известно, вызывает плоскостопие, грыжи и сердечную недостаточность. Солнечная радиация на Терре моментально валит с ног незащищенного человека — вы когда-нибудь слышали о живых существах, которым требуется защита от их якобы естественной среды обитания, чтобы она их не угробила? А уж земная экология...

Ерунда все это. Мы, люди, просто *не могли* зародиться на Земле, да и на Марсе, признаться, тоже, хотя нынешний Марс ближе к идеалу, чем прочие планеты Системы. Может быть, нашей прародиной была погибшая планета? Но моя родина — Марс; я всегда буду помнить его и всегда буду на него возвращаться, куда бы меня ни забросило. А я собираюсь далеко, очень далеко.

Но сперва я хочу слетать на Землю — посмотреть, как, во имя всех святых, восемь миллиардов людей могут жить буквально друг на друге (половина Терры малопригодна для проживания). Но больше всего я хочу увидеть океан... с безопасного расстояния. Океан — это что-то невероятно фантастическое. Меня в дрожь бросает, как пытаюсь пред-

ставить. Все это невообразимое количество воды, и никаких берегов. И такая глубина, что, если упасть в воду, она покроеет тебя с головой. Невероятно!

И теперь мы туда отправляемся!

Наверное, пора уже представить нас, семейство Фрайз, я имею в виду. Меня зовут Подкейн Фрайз, для друзей — просто Подди. Если хотите, можем подружиться. Пол — женский, возраст — юный; сейчас мне чуть больше восьми лет. Как говорит дядя Том, до всяких глупостей уже доросла, а до замужества еще нет. Все верно, ведь марсианская гражданка может подписать неограниченный брачный контракт без согласия опекуна в свой девятый день рождения. Мой рост без каблуков — 157 сантиметров, вес — 49 килограммов. «Пять футов, два дюйма и голубые глаза», как зовет меня Па. Он историк и романтик, а вот я совсем не романтичная; когда мне исполнится девять лет, я не буду спешить с браком, даже ограниченным. У меня другие планы.

Я вовсе не против замужества и не думаю, что у меня будут проблемы с тем, чтобы подцепить мужчину, какого захочу. В этих записках можно быть откровенной — зачем скромничать, если никто их не прочтет, пока я не стану старой и знаменитой, а до тех пор я десять раз успею переписать все набело. Но я все-таки подстраховываюсь: пишу по-английски старомарсианским шрифтом. Па мог бы разгадать этот шифр, но он никогда не тронет моих бумаг без разрешения. Он умница и не опекает меня по мелочам. А вот мой братец Кларк вполне может сунуть сюда нос. К счастью, он считает английский мертвым языком и, уж конечно, не станет забивать мозги старомарсианским письмом.

Может, вам попадалась такая книга: «Одиннадцать лет. Адаптационный кризис переходного возраста у мальчиков». Я прочла ее в надежде, что она поможет совладать с братцем. Кларку всего шесть, но книга-то написана на Земле, и «одиннадцать» в заголовке — это земные годы. Если вы возьмете его реальный возраст и умножите на переводной коэффициент 1,8808, то увидите, что моему братцу ровно одиннадцать земных лет-недомерков.

Эта книга мне мало чем помогла. Автор рассуждал о «смягчении перехода в социальную группу», а Кларк, похоже, пока не собирается присоединяться не только к группам,

но и ко всему роду человеческому. Он, скорее, выдумает способ разнести Вселенную вдребезги, чтобы полюбоваться взрывом. Поскольку отвечать за него приходится мне, а его ай-кью¹ — 160 (против моих 145), нетрудно догадаться, что мне приходится использовать все свои преимущества, зрелость и старшинство, на полную катушку. Пока что я вывела для себя правило: «Всегда будь начеку и никаких компромиссов». И обращаюсь с Кларком соответственно.

Но вернемся ко мне. Если смотреть по родословной, я — колониальная полукровка, но во внешности у меня доминирует шведская кровь с пикантной капелькой полинезийской и азиатской. У меня довольно длинные ноги, окружность талии — 43 сантиметра, а груди — 90, причем, будьте уверены, это не только грудная клетка (хотя мы, потомки первых колонистов, склонны к гипертрофии легких), осталось место и для расцветающих вторичных половых признаков. Добавлю, что я натуральная блондинка с вьющимися волосами и я — симпатичная. Не красавица — Пракситель не взглянул бы на меня второй раз, — но настоящая красота отпугивает людей или делает их совершенно неуправляемыми, а вот симпатичная внешность — качество ценное, если с умом ею пользоваться.

Еще года два назад я горевала, что не родилась мужчиной (ввиду моих амбиций), но потом сообразила, что все это глупости и жалеть об этом — все равно что мечтать о крыльях за спиной. Как говорит мама, работать надо с тем, что есть под руками... И я нашла, что мои подручные материалы вполне меня устраивают. Я почувствовала, что мне *нравится* быть женщиной: гормональный баланс у меня в порядке, я вполне приспособлена к среде, а она — ко мне. Я довольно умна, но не кичусь этим, у меня большой рот и курносый нос. Когда мне нужно выглядеть сконфуженной, я его морщу, и мужчины, как правило, тут же бросаются мне на помощь, особенно те, кто вдвое старше. Образно говоря, баллистическую траекторию лучше всего рассчитывать не на пальцах.

Такова я, Подди Фрайз, свободный гражданин Марса, женщина, в будущем — пилот, а потом — командир иссле-

¹ Ай-кью — коэффициент интеллекта.

дователей глубокого космоса. Ищите мое имя на первых полосах.

Мама в два раза меня красивей и выше, чем я когда-либо вырасту, она вообще как Валькирия, которая вот-вот ускачет на небо. Ее лицензия главного инженера по строительству наземных и орбитальных тяжелых конструкций действительна во всей Системе, а за участие в перестройке Фобоса и Деймоса маму наградили медалью Гувера с инкрустацией и офицерским Крестом Христианского ордена. Но она нечто большее, чем обычный технарш с длинными волосами. У нее есть светские манеры, которые она легко может варьировать в пределах от чарующей дружелюбности до ледящей неприступности, смотря по обстоятельствам. У нее куча почетных дипломов, и время от времени она публикует маленькие шедевры, вроде «Принципы проектирования связанных многослойных структур под давлением с учетом радиационного воздействия».

Работа часто отрывает маму от дома, и мне волей-неволей приходится опекать братца. Я утешаюсь тем, что для меня это хорошая практика: как же я буду заправлять космическим кораблем, если не смогу приручить шестилетнего дикаря. Мама говорит, что начальник, который лупит подчиненных по голове гаечным ключом, видимо, занят не своим делом, поэтому я пытаюсь управляться с нашим юным нигилистом, не прибегая к силе. Кроме того, вразумлять Кларка силой довольно затруднительно — весит он не меньше меня и при этом не брезгает грязными приемами.

Мы с Кларком появились на свет именно из-за маминной работы на Деймосе. Она твердо решила закончить строительство в срок, а папа, выпускник Арес-университета и гугенхаймовский стипендиат, с еще большим упорством дрался за каждый камешек древних марсианских строений, и ему было наплевать на строительство и его сроки. Папа с мамой так враждовали, что вскоре уже не могли жить друг без друга. В конце концов они поженились, а потом пошли дети.

Па и мама — это Джек Спратт и его жена¹: его интересует прошлое, а ее — будущее; она ведь сама его строит. У Па

¹ Персонажи детского стишка, являвшие полную противоположность друг другу и вместе составлявшие гармонию.

есть звание профессора земной истории университета Ван Лун, но его настоящая любовь — история Марса, особенно то, что было пятьдесят миллионов лет назад. Но не подумайте, Па не какой-нибудь засушенный книжный червь, занятый только высокими материями. Ему еще не было моих лет, а он уже сражался за Революцию и потерял руку во время ночного штурма здания Компании. Но и с одной рукой он стреляет без промаха.

И наконец, последний член нашего семейства — дядя Том, брат моего деда по отцовской линии. Сам себя он называет нахлебником. Действительно, за работой его увидишь не часто, но ведь он состарился еще до моего рождения. Как и папа, он ветеран Революции, бывший главнокомандующий Марсианского легиона, а сейчас он сенатор Республики с особыми полномочиями. Но похоже, он отошел и от политики, и от легиона, и от работы в выборных органах. Вместо этого дядя ошивается в Клубе лосей, где играет в пинокль с другими реликтами славного прошлого. Пожалуй, из нашей семьи он мне ближе всех: он не такой целеустремленный, как мои родители, и не так занят; у него всегда есть время поболтать со мной. К тому же в его характере есть черта, отмеченная печатью первородного греха, благодаря чему он с сочувствием относится к моим проблемам. Правда, он говорит, что в моем характере есть эта же черта, причем гораздо шире, чем у него. Ну, тут я останусь при своем мнении.

Вот такая у меня семья, и все мы собираемся слетать на Землю. Ой, я забыла еще троих детей. Но они, пожалуй, не считаются, то-то я о них и не вспомнила. Когда папа с мамой поженились, совет ДЭГ (демография, экология, генетика) дал им разрешение на пятерых детей. Им разрешили бы и семерых, если бы они попросили. Как нетрудно догадаться, мои родители весьма высоко котируются среди прочих граждан, даже среди колонистов нашей планеты, которые происходят из самых отборных, самых рафинированных семей или сами такие семьи основали.

Но мама твердо заявила совету, что пятеро детей — максимум, на больше у нее времени не хватит, и родила всех нас в самые сжатые сроки. При этом она работала в бюро планетной инженерии, чтобы не умереть со скуки. А потом

заморозила одного за другим всех своих детишек, так быстро, как только было можно. Всех, кроме меня, потому что я была первенцем. Кларк два года провел при глубоком минусе, а то был бы моим ровесником. Конечно, время гибернации не считается: официально Кларк родился в тот день, когда его разморозили. Помню, я страшно ревновала. Мама тогда вернулась с разведки Юноны и сразу же занялась Кларком, а мне это казалось ужасной несправедливостью.

Тогда дядя Том мне очень обстоятельно объяснил нашу ситуацию — я часы просиживала у него на коленях, — и с тех пор я не ревную к Кларку, а просто отношусь к нему настороженно.

Так что под зданием яслей в Марсополисе дожидаются своего часа Гамма, Дельта и Эпсилон. Вернувшись с Земли, мы разморозим кого-то из них и дадим настоящее имя. Мама хочет разом ревитализовать Гамму и Эпсилон и воспитывать, как двойняшек (они девочки), а мальчика Дельту запустить не раньше, чем девочки научатся помогать по дому. Папа же говорит, что это несправедливо: Дельта имеет все права быть старше Эпсилон по естественному праву первородства. А мама отвечает, что это — благоговение перед прецедентом и недурно бы папе оставлять эти пережитки прошлого в кампусе, а не тащить домой.

Папа говорит, что у мамы нет ни капли сентиментальности, а мама соглашается и говорит, что чувства только мешают решению задач, требующих рационального подхода.

«Ладно, тогда будем рациональны, — говорит Па. — Старшие сестры или подавят личность мальчика, или вконец его избалуют».

Мама называет папину гипотезу ненаучной и необоснованной. Па говорит, что она собирается увильнуть от своих обязанностей, подменив воспитание серийным производством, и мама радостно соглашается с этим, а потом спрашивает, почему бы не применять в семейной жизни апробированные технологические принципы?

Па оставляет вопрос висеть в воздухе. Он кивает маме задумчиво, мол, две маленькие, одинаково одетые девочки — это было бы симпатично... Назвать их надо будет Маргарет и Маргаритой, а в домашнем обиходе звать Пэг и Мэг. Кларк тогда шепнул мне: «Зачем их вообще размораживать?»

Не лучше ли забраться туда ночью и открыть вентили, типа такой несчастный случай?»

Я велела ему прополоскать рот синильной кислотой и посоветовала не говорить ничего такого при папочке. Представляю, какую трепку задал бы ему папочка. Хотя он и историк, но строго следует самым новым, самым прогрессивным теориям детской психологии: всякий раз, когда нужно, чтобы урок не забылся, он закрепляет информацию в коре больших полушарий при помощи болевых ощущений. «Пожалеешь розгу — испортишь ребенка», — говорит он.

Я с величайшей готовностью усваиваю новые навыки. Очень рано я научилась предвидеть неприятные случайности и избегать приложения к себе папочкиной педагогики вкупе с его рукой. Другое дело — Кларк: если его не треснуть дубинкой, он и внимания на вас не обратит.

В общем, дело идет к тому, что скоро у нас будут сестрички-двойняшки. Но меня это не колышет — для девушки моих лет вполне достаточно одной подростковой травмы в виде братца Кларка. Когда они вырастут настолько, чтобы досаждают мне, я уже буду довольно далеко.

Интерлюдия

Привет, Под!

Ты, значит, возомнила, что я не смогу прочесть твои закорючки? Много ты обо мне знаешь! Так вот, Подди (о, простите, я хотел сказать — капитан Подкейн Фрайз, Славный Разведчик Дальнего Космоса, Повелительница Мужчин)... так вот, дорогая капитан Подди, надо думать, ты никогда этого не прочтешь — тебе и в голову не придет, что я разгадал твой «шифр» и пишу комментарий на широких полях твоего мемуара.

К твоему сведению, дорогая сестрица, я читаю на старом английском не хуже, чем на орто Системы. Не так уж это трудно. Я его выучил, когда обнаружил, что миллионы интересных книг, которые я хотел прочитать, никогда с него не переводились. Свои таланты я предпочел держать в рукаве: так оно спокойнее, а то кто-нибудь непременно запретит тебе заниматься любимым делом. Старшая сестра, например.

Подумать только, простую подстановку ты величаешь «шифром»! Если бы ты, Подди, взаправду умела писать на

старомарсианском, это задержало бы меня немного дольше. Но ты не умеешь! Бог мой, ведь даже Па не может свободно на нем писать, а уж он-то знает о старомарсианском больше, чем кто-либо в Системе.

А вот мой шифр тебе нипочем не разгадать — у меня его попросту нет.

Попробуй-ка взглянуть на эту страничку в ультрафиолете, под кварцевой лампой например.

ГЛАВА 2

О, это неопишимо!

Грязь в ушах и заусенцы! Платье наизнанку! Убиться об стенку!

МЫ НИКУДА НЕ ЛЕТИМ!

Сперва я подумала, что это новая грязная выходка моего хитроумного братца, но вскоре поняла, что обвинить его будет невозможно. (Спасибо хоть на этом.) Тут мало лелеять коварные планы, нужно вдобавок придумать и тайно построить машину времени. Конечно, Кларк и ее бы тишком построил, если бы смог... Хотя, с тех пор как он перенастроил робота-слугу, я уже ни в чем не уверена. Тот подавал Кларку по ночам невообразимые блюда и записывал их на мой кодовый номер. При этом было установлено, что гарантийную пломбу на контрольном блоке никто не трогал.

Никто и никогда не узнает, как Кларк умудрился все это повернуть. Компания готова была все простить и даже выплатить некий бонус наличкой, если он согласится — если соизволит! — рассказать, каким образом он совратил с пути истинного их стопроцентно надежную машину. Но Кларк только смотрел в пустоту и упорно молчал. Так что оставались лишь косвенные доказательства его вины, хотя любой, кто знает нас с братом (Па и мама, например), присягнет, что я просто не способна заказать мороженое с засахаренными леденцами под соусом «голландез» или... нет, лучше не вспоминать, а то стошнит. А вот Кларк метелит все, что не способно схарчить его самого, это все знают.

Но даже это психологическое доказательство никого бы не убедило, если бы, по счастью, записи в памяти робота не

доказывали мое алиби: во время этих непристойных застолий я гостила у друзей в Большом Сырте, за тысячу километров от дома. Ну да что там вспоминать. Ни одной девушке не пожелаю такого подарка — Сумасшедшего Геня, вселившегося в младшего брата. Лучше пусть он будет тупым, вялым и не совсем нормальным созданием, пусть тихо сидит перед экраном видео и глазеез с открытым ртом на ковбойскую классику, не рассуждая, откуда берутся эти чудесные картинки.

Ну вот, опять меня увело от главного в этой трагической истории.

У нас не будет двойняшек.

У нас уже есть тройня.

Гамма, Дельта и Эпсилон, которые на протяжении всей моей прежней жизни были просто темами для разговора, теперь превратились в Грейс, Дункана и Элспет во крещении и, что хуже всего, во плоти. Если, конечно, Па опять не передумает до окончательной регистрации, а то у них уже было по три имени. Да что там имена!.. Главное, что они уже здесь, и для них к нашему дому пришлось приварить детскую. Три беспомощных недоделанных человечка — кожа у них розовая, как у канального червя, — и все почти одинаковые. Ручки-ножки дергаются, глазки не фокусируются, и сколько их ни мой, от них всегда тошнотворно пахнет кислым молоком, и этот запах проникает в каждую комнату. С одного конца от них исходят скрипучие звуки — так они индуцируют друг друга, а о том, что говорится на другом конце, лучше не вспоминать за столом. (Не помню момента, чтобы они все трое были сухими одновременно.)

И все же, несомненно, что-то исходит от этих маленьких созданий. Я бы легко могла полюбить их, если бы они не стали причиной моей трагедии. Уверена, Дункан уже начинает меня узнавать.

Но если я только начинаю мириться с их присутствием, то мамино отношение вернее всего определить как торжество атавистических инстинктов. Ее профессиональные журналы скапливаются непрочитанными, глаза у нее сияют, как у мадонны, она даже стала как-то шире и ниже ростом, и все это за какую-то неделю.

А это, значит, во-первых, ни с малышами, ни без оных ни на какую Землю она на полетит.

Во-вторых, Па без нее тоже не полетит; на эту тему они с Кларком крупно поговорили.

В-третьих, без них и мы, то есть Кларк и я, никуда не полетим. Я-то вполне могла бы путешествовать самостоятельно. (Па согласен считать меня «молодой особой», физически и юридически, несмотря на то что до моего девятого дня рождения еще несколько месяцев.) Но все это только в теории — потому что меня не считают достаточно взрослой, чтобы взвалить на меня полную ответственность за брата. Не уверена, что мне этого хочется. Если нам случится быть за миллионы километров от родителей, я бы хотела иметь под рукой что-нибудь не менее убедительное, чем моргенштерн¹, например. К тому же Па справедлив до абсурда: путешествие обещалось нам обоим, и он слышать не хочет о том, что полетит кто-то один из нас.

Конечно, справедливость — лучшая из родительских добродетелей, но в этом случае я бы, так уж и быть, смирилась с тем, что меня балуют и портят.

В общем, я уверена, что у Кларка нет припрятанной в шкафу машины времени, и вот почему: это невероятное совпадение, эта нелепая идиотская катастрофа ударила по нему не слабее, чем по мне.

Как же это случилось? Подсаживайтесь поближе, расскажу. Еще месяц назад, когда мы обсуждали, как полетим на Землю, все уже свершилось и только ждало часа, чтобы заорать нам в уши. Дело обстоит так: тысячи новорожденных младенцев дожидаются в яслях Марсополиса, когда родители удосужатся заняться милыми крошками. Ждут они в абсолютной безопасности, при температуре чуть выше абсолютного нуля.

Говорят (и я этому верю), что яслям нипочем даже прямое попадание ядерной бомбы. Лет через тысячу спасатели разберут развалины и найдут резервуары и действующую аппаратуру, которая морозила младенцев все это время с точностью до сотых долей градуса.

Поэтому мы, люди Марса (не «марсиане», заметьте себе; те — негуманоиды и почти все вымерли), как правило, рано

¹ *Моргенштерн* — палица с острыми шипами.

вступаем в брак, заводим положенное число детей и откладываем их до лучших дней, когда появятся время и деньги для воспитания. Вот так мы обходим противоречие, которое портило жизнь людям Терры еще со времен промышленной революции, — между возрастом, оптимальным для биологического воспроизводства, и годами, когда социальное положение родителей позволяет дать потомству наилучшие обеспечение и воспитание.

Именно так поступила лет десять назад чета Брайз. Когда они поженились, ей только-только исполнилось девять лет, а ему — чуть больше десяти. Он учился на пилота, она слушала какой-то курс в Арес-университете.

Они подали заявку на троих детей, получили разрешение, сделали их и отложили до лучших дней. А сами продолжали учиться. Очень разумно.

Шли годы. Он летал пилотом, потом капитаном, а она сперва вела документацию на его корабле, а потом дослужилась до суперкарго; короче говоря, идиллия. Для тех, кто комплектует экипажи космических линий, супружеские пары — идеальный вариант.

Так вот, капитан Брайз и его миссис, отслужив свои десять с половиной (двадцать земных) лет, вышли в отставку с пенсией в половину жалованья и сразу же по радио распорядились раскупорить всех троих малышей.

Радиограмму в яслях получили, отстучали подтверждение и приступили к делу. Через пять недель счастливая чета получила своих крошек и вступила во вторую фазу семейной идиллии.

Это они так думали...

Но в ясли они сдали двоих мальчиков и девочку.

А получили двух девочек и мальчика — наших.

Невероятно, но факт: они обнаружили это только через неделю. Я готова согласиться с тем, что в таком возрасте разница между совершенно новеньким младенцем-мальчиком и совершенно новенькой девочкой пренебрежительно мала. Но все же она есть. По-видимому, все произошло оттого, что у них было слишком много помощников: мамаша, свекровь, временная няня, добрая соседка, да тут еще масса забот, в общем, маловероятно, чтобы в эту первую неделю кто-то из этих помощников купал всех троих младенцев одновременно. Разумеется, сама миссис Брайз этого тоже не

делала — до того дня, когда она вдруг надумала искупать их вместе... и обнаружила... и упала в обморок — и уронила одного из наших малышей в воду, тут бы ему и конец, если бы на ее вопль не прибежали мистер Брайз и добрая соседка.

Вот так у нас и появились тройняшки одного месяца от роду.

Юрист, представлявший ясли, очень туманно объяснил, как это произошло, — очевидно, ему совсем не хотелось обсуждать, каким образом их «надежная» система идентификации может привести к такой путанице. Их система опознавания считается надежной на все сто процентов; компьютеры, регистраторы, серийные номера, отпечатки ножек. Лично мне кажется, что в этой системе все же есть слабое звено. К примеру, один клерк вслух читает в радиограмме фамилию «Брайз», а другой набивает в машину «Фрайз», ну а машина честно доводит дело до конца.

Но представитель явился не для объяснений. Он просто изо всех сил старался, чтобы мама с папочкой не подали на них в суд — приняли чек, подписали отказ от претензий и согласились не предавать дело огласке.

Они потребовали сумму в три годовых маминых оклада, маленький адвокат проглотил это и, похоже, был счастлив.

Но никто не предложил компенсацию *мне* — за тяжелый урон, нанесенный моим надеждам, моим планам и всей моей жизни.

Кларк предложил вполне резонный, как ему думалось, выход — поменяться с Брайзами. Пусть, мол, они забирают тепленьких, а мы оставим за собой холодненьких и слетаем-таки на Землю.

Мой братец слишком эгоцентричен, чтобы чувствовать такие вещи, но Ангел Смерти в этот миг осенил его своими крылами. Наш Па — очень добрый человек... но в тот день на него свалилось больше, чем он мог выдержать.

На меня тоже. Я-то думала, что сегодня буду уже на пути к Земле. Это было бы мое первое путешествие за орбиту Фобоса. Но Фобос не в счет — это была обычная школьная экскурсия, своего рода медовый месяц для всего нашего класса.

Попробуйте догадаться, чем я вместо этого сейчас занимаюсь.

Знаете, сколько раз на дню приходится менять пеленки у троих детей?

ГЛАВА 3

Без паники! Двигателям — стоп! Стереть все записи! Рапорты опротестовать...

МЫ ВСЕ-ТАКИ ЛЕТИМ НА ЗЕМЛЮ!!!

Правда, не все. Остаются Па и мама, ну и тройня, конечно, тоже... Но... Нет, лучше расскажу все по порядку.

Вчера меня достало! Я как заведенная меняла малышам пеленки — как только я разбиралась с последним, первый снова был мокрый. Выть хотелось, стоило только представить, что в этот момент я должна была входить в салон-ресторан «Космопроходца» об руку с кем-нибудь из офицеров... или даже с капитаном, будь у меня шанс организовать такую *случайную встречу*, а затем пустить в ход свою коронную мину озадаченного котенка.

И на этом самом месте суровая реальность снова ткнула меня носом в пеленки. Это меня и доконало. «Авгиевы колючи», — подумала я и заплакала.

Вошла мама, и я попросилась отдохнуть хоть пару часов.

— Ну конечно, дорогая, — ответила она, даже не взглянув на меня.

Она тетешкалась с одним из младенцев и даже не заметила, что я плачу. Потом взялась перепеленывать младенца, причем того самого, которого я только что запеленала.

При этом она висела на телефоне и объясняла кому-то, что он не ошибся, что она действительно осталась на Марсе, но, несмотря на это, ни в какой комиссии она работать не сможет, даже в качестве консультанта, — она просто не может оставить малышей даже на десять минут, ей постоянно приходится возиться с одним из них.

Да, мама сильно изменилась. Похоже, она накоротко замянула цепи коры больших полушарий и отдала себя во власть дремучих инстинктов. Она напоминала кошку, которая у нас была, когда я была еще маленькой. Мисс Полька Дот тогда принесла свой первый помет котят. Мисс Поки любила нас и доверяла во всем — кроме котят. Стоило кому-нибудь тронуть котенка, и она начинала беспокоиться. А уж если котенком хотели полюбоваться и доставали из ящика, тут же следом за ним выскакивала и мамаша, хвата-

ла его в зубы и с недовольным видом уволокивала назад в ящик. При этом она яростно виляла хвостом, красноречиво показывая, что она думает о безответственных людях, которые совершенно не умеют обращаться с младенцами.

Мама сейчас точно такая же. Мою помощь она принимает лишь по необходимости — с тройней слишком много забот. Сама она всерьез думает, будто без ее присмотра я толком не смогу даже взять младенца на руки.

Так что я оставила ее и последовала за своими дремучими инстинктами, которые повлекли меня искать дядю Тома.

Я нашла его в Клубе лосей, где он обычно обретался в это время дня, но мне пришлось дожидаться в дамской гостиной, пока он разделялся со своими партнерами по картам. Минут через десять он наконец вышел, пересчитывая толстую пачку купюр.

— Прости, что заставил ждать, — сказал он, — но я как раз объяснял согражданам концепцию неопределенности в законах теории вероятности, ну и пришлось задержаться, чтобы собрать плату за обучение. Ну а как твои дела, Подкейн?

Я хотела было рассказать все по порядку, но прямо-таки захлебнулась. Дядя вывел меня в парк под городским куполом, усадил на скамейку и купил нам обоим по пакетику воздушного шоколада. Я съела свою долю и большую часть его порции, пока глядела на звезды и рассказывала ему обо всем. После этого мне немного полегчало.

Он потрепал меня по плечу:

— Не вешай нос, детка. И запомни: никогда не бывает так плохо, чтобы не могло стать еще хуже.

Он достал из кармана фон и позвонил куда-то. Чуть погодя он сказал:

— Говорит сенатор Фрайз. Мне нужен директор. Не паникуйте, мисс, вызов неофициальный. — Через минуту он добавил: — Хайми? Это Том Фрайз. Как себя чувствует Джудит? Хорошо, хорошо... Хайми, сейчас я подъеду и запишаю тебя в один из ваших баков с гелием... Минут через пятнадцать или около того. Так что у тебя еще есть время смыться из города. У меня все. — Он сунул фон в карман. — Пойдем-ка перекусим. Никогда не вешайся натошак, моя милая, это вредно для желудка.

Дядюшка Том привел меня в Клуб пионеров. Я была там только один раз, давным-давно, и с тех пор клуб, кажется, стал еще респектабельнее. У них там живые официанты... такие старые, что сами вполне могли быть пионерами, а то и встречать здесь первый корабль с Земли. Все суетились вокруг моего дядюшки, а он называл их просто по именам, и они звали его просто «Том», но звучало это как «Ваше Величество». Сам хозяин подошел к нашему столику и принес мне десерт, а еще шесть официантов стояли наготове и подавали дяде все, что нужно, ну прямо как знаменитому хирургу во время ответственной операции.

Вскоре дядюшка Том рыгнул, деликатно прикрывшись салфеткой, всех поблагодарил, и мы вышли. Жалко, что дядя не предупредил меня заранее, тогда я надела бы свое бесподобное вечернее платье. Правда, мама строго запретила надевать его, пока мне не стукнет девять лет, но ведь не каждый день удается попасть в Клуб пионеров.

Потом мы спустились в скоростной туннель Джеймса Джойса Фогарти. Дядюшка Том сидел всю дорогу, пришлось и мне сесть. Вообще-то, я предпочитаю идти, а то и бежать по движущейся полосе — так раньше попадешь на место, но дядя Том сказал, что ему для поддержания тонуса вполне достаточно поглядеть, как другие упаиваются вусмерть.

Я даже не догадывалась, что мы едем в ясли Марсополиса, пока мы не оказались у дверей, — настолько я была в прошлый раз ослеплена эмоциями. Перед дверью с табличкой «КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА. ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ» дядюшка Том сказал:

— Поброди где-нибудь неподалеку. Ты мне еще понадобишься, — и ушел.

В приемной было полно народу, а на столиках лежали только журналы «Ваш малыш» и «Современная домохозяйка», так что я поболталась-пошаталась и пошла по коридору, который, оказывается, вел в детскую.

Табличка на двери предупреждала, что посетители допускаются с 16:00 до 18:30, а сама дверь была заперта. Я пошла дальше и увидела еще одну дверь, которая выглядела более перспективно. На ней было написано: «ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН», но не уточнялось кому, и она не была заперта, поэтому я вошла.

Столько младенцев не увидишь и за целую жизнь!

Ряды, ряды и ряды прозрачных кубов с младенцами. Толком я могла рассмотреть только ближний ряд: все детишки были, наверное, одного возраста и куда больше походили на людей, чем наша тройца. Они были маленькие, все в морщинках, словно печеные яблоки, и миленькие, как щенята. Многие спали, другие сучили ножками, ворковали, хватались за игрушки, подвешенные в их досягаемости. Не будь между нами стеклянной преграды, я бы нахватала полные руки детишек.

Еще в комнате было много девушек, то есть молодых женщин. Все они занимались с младенцами и меня не замечали. Но вдруг поблизости заплакал малыш, над его кубом зажегся свет, и одна из нянечек поспешила на зов. Она открыла куб, достала младенца, пошлепала его по попке, и он затих.

— Мокрый? — спросила я.

Только тут она меня заметила.

— О нет, за этим следят машины. Просто ему одиноко, и я его приласкала. — Ее голос отчетливо доносился сквозь стекло, хотя я не видела ни микрофонов, ни динамиков. Она что-то нежно поворковала младенцу и спросила: — Ты у нас новенькая? Заблудилась?

— Нет, — быстро ответила я, — у меня другая работа. Просто я...

— Тогда тебе сюда нельзя, особенно сейчас. Может быть... — она довольно скептически оглядела меня, — ты ищешь класс молодых матерей?

— Нет-нет! — поспешно сказала я. — Еще нет. — И добавила еще поспешнее: — Я — гостья директора.

Ну да, это не было враньем. Почти не было. Я была гостьей гостя директора, который пришел к нему по предварительной записи. Пусть отношение косвенное, а не прямое, ну, в общем, это почти одно и то же.

Девушка, похоже, успокоилась и спросила:

— Так что же тебе надо? Могу я помочь тебе?

— Э-э-э... Просто расскажите мне кое-что. Я пишу что-то вроде реферата. Что у вас в этой комнате?

— Здесь у нас шестимесячные заказы на выдачу, — сказала она, — через день-другой их всех отправят по домам.

Няня положила замолкшего младенца в куб, приладила ему молочную соску, проделала какие-то манипуляции с приборами снаружи, так что подушечка внутри приподнялась и поддержала голову младенца, чтобы он не упустил соску, потом закрыла крышку, подошла к соседнему кубу и взяла в руки другого ребенка.

— Лично я считаю, — добавила она, — что шесть месяцев — самое время. В год они уже умные и обязательно заметят перемену. А эти — нет. Им все равно, кто их кормит и нянчит, когда они плачут... но они уже большенькие, и матерям будет чуть легче. Мы знаем, как ухаживать за детьми, мы к этому привыкли, и мы часто сменяемся и не устаем от того, что «возились с ребенком всю ночь напролет». Поэтому мы не раздражаемся и, уж конечно, никогда не орем на них. И не думайте, что малыш не понимает, когда на него кричат, потому что он не умеет разговаривать. Он все понимает! И можно так скособочить его психику, что много лет спустя он отыграется-таки на ком-нибудь. Ну-ну, лапушка, — (это уже не ко мне), — теперь тебе лучше? Хочешь поспать? Полежи спокойно, а Марта тебя побаюкает, вот ты и заснешь.

Она внимательно посмотрела ребенку в личико, потом положила в колыбель и закрыла крышку. Над одним из кубов вспыхнул свет, и Марта метнулась туда.

— У детей нет чувства времени, — добавила она, доставая из колыбели вопящую квинтэссенцию ярости. — Если уж ему что-то понадобилось — подавай прямо сейчас. Он и знать не знает...

Тут к ней подошла женщина постарше.

— Да, сестра?

— С кем это ты болтаешь? Ты же знаешь правила.

— Да, но... она гостья директора.

Сестра строго осмотрела меня с ног до головы:

— Директор сам послал вас сюда?

Пока я лихорадочно выбрала один из трех ни к чему не обязывающих ответов, сама судьба послала мне спасение. Мягкий голос, исходивший, казалось, отовсюду, произнес:

— Мисс Подкейн Фрайз просят пройти в кабинет директора. Мисс Подкейн Фрайз, пройдите, пожалуйста, в кабинет директора.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. В. Голд. Конец эпохи деколонизации</i>	5
МАРСИАНКА ПОДКЕЙН. Ее жизнь и время	
<i>Перевод С. Барсова</i>	9
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ	
<i>Перевод А. Шарова</i>	177
<i>С. В. Голд. О романах «Марсианка Подкейн» и «Гражданин Галактики»</i>	454

Хайнлайн Р.

- X 15** Марсианка Подкейн ; Гражданин Галактики : романы / Роберт Хайнлайн ; пер. с англ. С. Барсова, А. Шарова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-14386-9

В романе, открывающем этот том классика мировой фантастики, рассказана история Подкейн Фрайз, гражданина Марсианской Республики, девочки, отправившейся со своим братом Кларком и дядей Томом в путешествие на Землю транзитом через Венеру — путешествие вполне предсказуемое, но завершившееся с непредсказуемым результатом. Второй роман («Гражданин Галактики») повествует о жизни Торби, земного мальчика, в раннем детстве похищенного космическими работниками, но сбросившего невольничьи оковы и проложившего себе дорогу к звездам.

И тот и другой роман публикуются в новой редакции.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
МАРСИАНКА ПОДКЕЙН
ГРАЖДАНИН ГАЛАКТИКИ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Ирина Киселева, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.04.2018. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 25,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-AFA-22623-01-R